

Автор - Игорь Гонохов, Москва (Россия).

Почти вся жизнь

Вот и прошло Успение.
Все утомились вроде:
бабочки и растения,
бабушка в огороде.

Завтра варить китайку.
Невпроворот всякой всячины.
Левой руке не хозяйка,
ноги едва ходячие.

Помнит – с тарзанки прыгала.
Нынче – с трудом по лестнице.
Кошке устроит выговор,
охнет и перекрестится.

Помнит – бегом по лужам.
Школа, любовь, записки.
Как приходила на службу,

чтобы успеть на исповедь.

Сливы лежат у помянника.
Запах ласкает ноздри.
Чутьочку дымом тянет...
Осень, тепло, не поздно...

Кошка глядит неслушная
в небо, где кошки не водятся.
Нужно ей, очень нужно ей,
на руки к Богородице.

Перламутровка

Ветер волнами ходит по паутине.
Выставил зонтики переспевший укроп.
Перламутровка к месту в этой картине:
сидит на сливе и пьёт сливовый сироп.

Вера Холодная полднего сада.
Иные кусаются, плюют кислотой.
Бабочкам ничего такого не надо.
У них короткая жизнь, роман с пустотой.

Большее время – в воздухе, без опоры.
Пятна у них на крыльях – аналог лица.
Не готовят запасов, не роют норы.
Был у одной флакон, в нём живая пыльца,

наверно, от феи тимьяна, по пьянке.
Но «перламутровым» смерть порвала карман:
Вера Холодная – зимой от испанки,
а бабочка – прошлой осенью, между рам.

С тех пор обитает во снах и в рассказах.
Ищет флакон с пыльцой, спрашивает у фей.
Сегодня в реальность впорхнула и сразу
села на сливу, потом, раз-два – на шалфей.

Крылья дрожали. Рядом цвела мелисса.
Колыхнулось вдали на просушке пальто...
Говорят, мол, не очень была актриса.
Но зато, как бабочка, как чудо... зато...

Сон в парке

Между сосной и клёном
просека, комары.
Прошрое в отдалённом.
Возгласы детворы.

Это они сумели
из глубины перспектив
высветить райские ели
в абрисах ломких крапив.

Это маленький Немо
машет с самого дна
там, где в разливах неба
лодка с друзьями видна.

Надо ж, такое приснилось:
в дымках крапивы, над пнём
жёлтый плавёт Наutilus
светит большим фонарём.

